Чеснокова Леся Владимировна

ФЕНОМЕН ЖУТКОГО: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ФРЕЙДА И ХАЙДЕГГЕРА

В статье рассматривается феномен жуткого в психоанализе (Фрейд) и экзистенциализме (Хайдеггер). В культуре важнейшую роль играет родной дом как пространство, маркирующее границы своего и чужого миров. Наибольший страх вызывает размывание данных границ. С этим связан феномен жуткого в психоанализе как изначально своего, но в результате вытеснения ставшего чужим и опасным. Данная тема получила продолжение в экзистенциализме, где человек понимается как существо, выброшенное в безразличный к нему мир, в котором лишь в бездомности экзистенциального страха он приходит к самому себе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 214-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2:81.371
Философские науки

В статье рассматривается феномен жуткого в психоанализе (Фрейд) и экзистенциализме (Хайдеггер). В культуре важнейшую роль играет родной дом как пространство, маркирующее границы своего и чужого миров. Наибольший страх вызывает размывание данных границ. С этим связан феномен жуткого в психоанализе как изначально своего, но в результате вытеснения ставшего чужим и опасным. Данная тема получила продолжение в экзистенциализме, где человек понимается как существо, выброшенное в безразличный к нему мир, в котором лишь в бездомности экзистенциального страха он приходит к самому себе.

Ключевые слова и фразы: жуткое / *das Unheimliche*; родной дом / *Heim*; экзистенциальная бездомность; экзистенциальный страх / *Angst*; тайный / *heimlich*; немецкая культура; экзистенциализм; психоанализ.

Чеснокова Леся Владимировна
Омский государственный педагогический университет
L.Tchesnokova@mail.ru

ФЕНОМЕН ЖУТКОГО: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ФРЕЙДА И ХАЙДЕГГЕРА

В гуманитарных науках давно исследуется тема дома как укрывающего и защищающего человека пространства. Жилище является человеческим ответом на природную уязвимость по сравнению с другими живыми существами. Границы дома представляют собой рубеж между человеческим и нечеловеческим бытием, своим и чужим, космосом и хаосом. Это место, куда не имеют доступа посторонние, где нет страхов и опасностей внешнего мира. Он призван хранить семейные и родовые традиции. «Жилое пространство сохраняет интимность жизни и потому сокровенно» [2, с. 67]. Дом является средоточием жизненных ценностей, центром вселенной и символом человека.

Важнейшей функцией дома является попытка релятивировать ощущение выброшенности человека в мир и радикальной бездомности. «Это потребность в наличии экзистенциального убежища, защищающего от холодного и хаотичного мира снаружи» [10, с. 723]. Отсутствие своего домашнего очага вызывает чувство страха и экзистенциальной бездомности. Вне родного дома нас подстерегают вечные скитания, бесприютность, одиночество. Ощущение нахождения у себя дома в безопасности противоположно чувству чуждости и бездомности; здесь проявляется диалектика родина – чужбина.

Однако, хотя собственный дом дарит человеку тепло, защиту, уют, даже там его подстерегает опасность. Чужбина является не противоположностью родины, а родину следует понимать как бытие-на-чужбине, как вид или модус чужбины. Д. Квадфлиг выдвигает тезис: родного дома, родины в смысле абсолютно знакомого и надежного места не существует. «Всегда родина была нагружена смыслами конститутивной чуждости, отмечена неизбежным лишением или утратой. В словах “heimatliche” (“родное”), “heimische” (“домашнее”) неизменно присутствует и *Unheimlichkeit* (жуткое, зловещее), то есть речь идет о фундаментальной *Heimatlosigkeit* (бездомности) человека» [15, S. 126].

О фундаментальной бездомности человека рассуждали два немецкоязычных мыслителя: З. Фрейд и М. Хайдеггер. Изначальным пунктом размышлений Фрейда является тезис о том, что чуждое, то, что нам неподвластно, таится в хорошо знакомом. Нечто, не подлежащее контролю, прячется и в здоровой человеческой психике. Элементы бессознательного: желания и страхи принадлежат нам, составляя значительную часть нашей идентичности, но это также то, чего мы не знаем о самих себе.

Об этом говорится в его статье «Das Unheimliche», вышедшей в 1919 году. На русский язык она переводится как «жуткое» или «зловещее», но тем самым утрачиваются многие смыслы. Сам Фрейд начинает статью с лингвистического анализа, с того, что слово «das Unheimliche» существует только в немецком и непереводимо на другие языки.

На английский язык оно переводится как «*uncanny*», будучи образованным «посредством отрицательной частицы “*un*” от “*canny*” (прилагательное от “*can*”, мочь) – “благоразумный, осторожный, умелый, практичный, уютный, приятный”» [11]. Однако, этот перевод также несовершенен, английские переводчики Фрейда полагают, что лучше всего этот немецкий термин передало бы слово *unhomely*, если бы оно существовало в английском языке.

На французский *das Unheimliche* переводится как «*l'inquiétante étrangeté*. *L'inquiétante* – это “то, что нас беспокоит”, и там есть отрицание *inquiétante* (*étrangeté* – это чуждое). По-французски “жуткое” – это беспокоящечуждое, отчужденное» [3]. Таким образом, во всех переводах присутствует лишь часть значений немецкого термина: нечто чуждое, подозрительное, внушающее беспокойство и страх.

Слово *das Unheimliche* образовано от корня *heim* / родной дом. В немецком языке существует много слов, с ним связанных: *heimelig* / «домашний, уютный», *Heim* / «родной дом, домашний очаг», *Heimat* / «родина». Отсюда берут начало понятия *heimlich* / «тайком, то есть в стенах собственного дома, когда никто не видит», *Heimlichkeit* / «таинственность, скрытность, сокровенность», *Heimlichtuer* / «скрытный человек», *Geheimnis* / «тайна».

Противоположное значение *«unheimlich»* образовано с помощью отрицательной приставки «*un*» / «не» и дословно означает «не по-домашнему», «не-уютно»: жутко, тревожно, зловеще. Вообще, отрицание играет важную роль учении Фрейда. Слово «Unheimliche» / «зловешее, жуткое», становится вдвойне двусмысленным, будучи образованным от негации. «Под *Heimlichen* может быть понято одновременно как укрытое, тайное, так и домашнее, знакомое, безопасное. *Unheimliche* (жуткое) может быть то, что получается в результате вытеснения, и поэтому превращается в нечто враждебное» [13, S. 156]. Также и здесь: хорошо известное, безопасное, домашнее оказывается связанным с чем-то ужасным, зловещим, то есть в хорошо знакомом, может скрываться опыт гетерогенности и чуждости.

В своей статье «Отрицание» Фрейд пишет, что при отрицательном высказывании происходит отклонение какой-то идеи посредством проекции. «При толковании мы позволяем себе не принимать во внимание отклонение и выхватывать чистое содержание идеи… Таким образом, вытесненное содержание мысли может пробиться к сознанию – при условии, что оно отрицается» [7]. Отрицание является способом воспринять вытесненное. Таким образом, понятие «unheimlich» не только отрицает, но и выявляет дополнительное значение слова «heimlich». «Это абсурдное и амбивалентное слово, имеющее два прямо противоположных значения: уютный – неуютный, приятный – неприятный, и, наконец, свой – чужой» [4].

На первый взгляд, кажется, что жуткое – это что-то чужое и неизвестное, когда неясно, чего от него следует ждать. Но это слишком простое, с точки зрения Фрейда, объяснение. Самое ужасное – это не нечто неведомое, а когда в хорошо знакомом и безопасном внезапно обнаруживаются неизвестные, неподвластные нам свойства. Под маской друга таится враг. Проявляется то, что таилось, было ранее скрыто. Здесь Фрейд опирается на цитату из Шеллинга «Жуткое – то, что должно быть скрыто, но внезапно обнаружило себя» [Цит. по: 6].

На русский язык слово «unheimlich» можно также перевести как «неуютно», «не по себе»: когда отчуждается нечто запрятанное глубоко в сознании, а потом внезапно возвращается в ином, неузнаваемо преображенном облике. Наиболее распространенный механизм возникновения жуткого – вытеснение. Жуткое переживается, когда происходит прорыв вытесненного из сознания: «зловещее в действительности не является чем-то новым или чуждым: это нечто издавна известное душевной жизни, но отчужденное от нее под действием процесса вытеснения» [Там же]. Связь зловещего с вытеснением объясняется тем, что оно есть то, что должно было бы оставаться тайным, но всплыло на поверхность.

Фрейд связывает это отчуждение своего, внезапно ставшего чужим, с комплексом кастрации. В качестве примера он приводит сюжет рассказа Гофмана «Песочный человек», где жуткий адвокат Коппелиус (Песочный человек) похищает у людей глаза. Эта идея связана со словом «uheimlich» / «тайный, скрытый», означающим, что некое явление или событие более не является тайной, оно стало открыто для постороннего взгляда (ср. метафору с глазами). Этот факт вызывает не только ужас, но и отвращение, особенно если скрываемое имеет сексуальную природу. Поэтому жуткое / *das Unheimliche* связано с человеческим бессознательным, с запрещенными и подавляемыми желаниями. Это страх того, что неконтролируемая часть нашего Я вырвется наружу, и всем станут известны наши постыдные тайны.

Сюда же относится страх перед собственным двойником. Фрейд приходит к выводу, что в чувстве *Unheimlichkeit* мы переживаем страхи из детства, то есть из времени до формирования Я-идентичности. В ужасе перед нашим двойником или ожившими автоматами мы переживаем «регрессию во времена, когда Я еще не сильно огорожено от внешнего мира и от других людей. Это нечто иное, чем страх перед реальной опасностью» [13, S. 156]. Поскольку чувство жуткого вызывает хорошо знакомый объект, однако неконгруэнтный самому себе, это вызывает когнитивный диссонанс у субъекта, испытывающего одновременно влечение и отвращение.

Также центральную роль во фрейдовском анализе жуткого играет смерть. Возвращение мертвеца, духи умерших и прочие призраки являются, с одной стороны, проявлением анимизма, одухотворявшего неживые предметы, а с другой стороны, они указывают нам на нашу неизбежную судьбу. Собственная смерть больше всего пугает человека и тем самым представляет собой область, которую следует всячески вытеснять. И хотя Фрейд эксплицитно не говорит об этом, почти во всех его текстах примеры для жуткого в той или иной степени указывают на образ смерти или мертвеца, начиная с фигуры двойника и вплоть до комплекса кастрации. Таким образом, вместе с выводом о том, что жуткое / *unheimliche* – это проявление ранее известного и безопасного, возникает примечательная идея, согласно которой, «поиски родины (Heimat) человека должны проводиться в направлении его смерти» [15, S. 133].

Фрейд указывает также на то, что у невротиков чувство ужаса часто вызывают женские гениталии. «Зловещее – это ход, ведущий на древнюю родину человечества, в такую местность, где пребывал каждый из нас… Таким образом, зловещее оказывается чем-то некогда родным (Heimische), давно известным. Приставка же “un” в этом слове (das Unheimliche) есть метка вытеснения» [6]. Не только смерть, но и происхождение из материнского тела становится причиной для нарциссической защиты. Поэтому в желании возвращения в материнское тело прячется амбивалентность родины, вернуться в которую можно лишь ценою утраты себя, отказа от своей самости. Фантазии о возвращении в тело матери родственны представлениям о возможности быть заживо погребенным.

Во второй части статьи Фрейд анализирует повесть Гофмана «Песочный человек». Фрейд называет этого писателя непревзойденным мастером жуткого в литературе. Наибольший эффект творчество Гофмана, предварившее многие положения психоанализа, имеет на контрасте от проявления чего-то непонятного и пугающего в обычной человеческой жизни, инфернального зла, которое вдруг обнаруживается посреди уютного

бидермайера. Несмотря на свое своеобразие, персонажи из фантастического мира не проникают в реальность откуда-то извне. Они живут обычной жизнью и внезапно открываются читателю с неожиданной стороны.

То есть в самом обыденном и скучном персонаже может таиться что-то фантастическое. По словам В. Женевского, особая сила «черного» романа Гофмана заключается в том, что зло проникло во всю жизнь: в обыкновенные дома, в бюргерские и аристократические семейства, «владеет людьми и просвещенными и непросвещенными. Зло вовсе не является некой отдельной провинцией, которую постигла эпидемия, тогда как вокруг все спокойно» [1]. Как в отдельном человеке, так и в любом обществе всегда присутствуют неизвестные темные глубины.

Самому писателю также свойственна эта двойственность: он одновременно прилежный чиновник и человек искусства: писатель, композитор и художник. Разъясняя собственный стиль, Гофман пишет: «Даже самое обычное из повседневной жизни выступает с налетом известной романтической оригинальности, так что оно непременно находит отклик в душе, предрасположенной к фантастическому» [Цит. по: 5, с. 246].

Однако таинственные силы мироздания вызывают не только восторг и благоговение, но и страх, который заставляет усомниться, стоит ли людям пытаться выявлять их. Ибо человек, как учит романтическая натурфилософия, отчужден от природы, вследствие чего потаенное нельзя вопрошать об истине. Существует опасение, что излишнее любопытство может обернуться бедой для человеческого разума, так как может быть пробуждено нечто опасное, что дремлет в глубинах нашей души. Резкий контраст между обыденностью и прорывом в неизвестное напоминает о том, что мнимая стабильность нашей жизни таит в себе что-то жуткое, свидетельствующее о двойственности любого бытия.

Т. Дорн и Р. Вагнер приводят воображаемый диалог Фрейда и Гофмана, который в качестве ночного гостя явился к нему в кабинет. В этом разговоре проявляется языковая игра смыслами немецкого слова *heimlich*. «*Видите ли, уважаемый доктор, – обращается Гофман к Фрейду, – немецкий – чудесный язык. Вы умеете читать его тайны. Это прекрасно, как вы объяснили, что домашнее (Heimelige) – это тайное, сокровенное (Heimliche), и что Heimliche (тайное) – это жуткое (Unheimliche). Так что в действительности жуткое (Unheimliche) совсем не противоположно тайному (Heimliche). Напротив, именно в нем и укрыто самое секретное… Нигде не бывает так уютно (heimelig), как в моих тихих четырех стенах. Огонь потрескивает в камине, дымится пунш, а снаружи гудит осенний ветер. Но известны ли кому-то мои занятия, когда я так уютно (heimelig) расположился? Что регулирует в действительности мое поведение? И однажды происходит так, что я становлюсь жутким для самого себя. Хорошо ли будет, если мои тайные дела (Heimlichkeiten) однажды выплывут на свет? Не стану ли я тогда еще более чужим самому себе, чем если бы я оставил их в темноте? Я чувствую себя как дома (zu Hause) в моих тревогах (Unheimlichkeiten). Вы же, господин доктор, хотите все раскрыть (entheimlichen). Вы не можете обитать (hausen) в жутком (Unheimlichen) и не находите там свою родину (Heimat)»* [12, S. 447-448].

Чувство изначальной бездомности нашло свое отражение также и в философии экзистенциализма, возникшего в эпоху, когда «в результате двух мировых войн вера в разум как основополагающий жизненный принцип была утрачена. Мир предстает чужим и враждебным, а бездомность человека в нем становится темой философии» [9, с 209]. Человек понимается как неукорененное существо, которое стоит перед лицом Ничто. Состояние, вызываемое столкновением с миром, Хайдеггер именует *Un-zuhause* / дословно: «не-дома, то есть не по себе».

Бытие, согласно Хайдеггеру, – это кров, который укрывает человека, его экзистирующее существо, в своей истине, обеспечивая ему укорененность, мир и покой. Однако «без надежной опоры бытие становится *unheimlich* / без-домным, то есть жутким, зловещим». Экзистенциальный страх сигнализирует об угрозе бытию или тем его аспектам, в которых человек чувствует себя *beheimatet* / «надежно, спокойно, “как дома”» [14, S. 4].

Хайдеггер ставит вопрос о смысле бытия, описывая человеческое существование как способ быть в мире: ситуацию, в которой человек познает свое одиночество и оставленность. Тем не менее, он может принять это обстоятельство и попытаться самостоятельно определять свою судьбу. По бóльшей части, однако, происходит его падение в мир повседневности. Он отрекается от своего собственного бытия и впадает в обыденность, теряя себя в делах и заботах. Тем самым должна быть дана понимающая расположенность, которая ставит здесь-бытие перед собственными возможностями и горизонтами. «Такой понимающей расположенностью (verstehende Befindlichkeit) является, с точки зрения Хайдеггера, экзистенциальный страх (Angst)» [15, S. 127].

Хайдеггер вслед за Кьеркегором разделяет понятия эмпирического / *Furcht* и экзистенциального / *Angst* страха. Эмпирический страх, связанный с конкретной опасностью, не может освободить здесь-бытие от существования в мире обыденности / *das Man*. Для того чтобы человек мог прийти к развитию своих возможностей, ему нужна настроенность, способная отделить его от мира. Подобное освобождение от мира дает экзистенциальный страх / *Angst*, в котором полнота значений мира утрачивает свою релевантность.

Как отмечает Д. Квадфлиг, примечательно, что экзистенциальному страху, который заставляет человека терять голову, Хайдеггер придает выдающийся познавательный статус. Так как только чувство фундаментального ускользания мира указывает здесь-бытию на его собственную экзистенциальную структуру, а именно на его выброшенность в мир. Иначе говоря, «только когда мы замечаем, что существуем в сети условностей, которые ни на чем не основаны и ограничены, мы в состоянии вырваться из них. Таким образом, экзистенциальный страх придает здесь-бытию статус самости (Eigentlichkeit)» [Ibidem, S. 128].

Описывая метафизический страх, Хайдеггер обращается к чувству зловещего / *unheimlich*. Страх / *Angst* демонстрирует мир в его жуткости / *Unheimlichkeit*, поскольку повседневная уверенность разрушается. В страхе

человеку становится жутко, не по себе / *unheimlich*, что означает его экзистенциальную бездомность / *Nicht-zuhause sein*. Чувство страха коренится в духовном столкновении человека со специфическими опасностями и возможностями его бытия. «Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. В ужасе человеку делается жутко. Что делает себя жутким и какому человеку? Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Вообще делается жутко» [8, с. 20]. В ужасе происходит проседание мира, которым приоткрывается Ничто.

Страх ставит человека перед возможностью вторжения Ничто, которое отовсюду угрожает бытию. Границы дома – мира человека рушатся, впуская Ничто. Хайдеггер описывает опыт жуткого как проявления чужого в родном, близком, Ничто в бытии. Страх открывает в здесь-бытии его возможность быть, что означает бытие свободы для выбора самого себя. Поскольку жуткое / *Unheimlichen* означает чувство экзистенциальной бездомности / *Nicht-zuhause-sein*, возникает вопрос, насколько здесь-бытие вообще может имеет свой дом, свою родину?

Парадокс заключается в том, что человеческое здесь-бытие именно тогда наиболее приближается к себе, когда оно отказывается от своей родины, от уверенности и безопасности, когда ему становится жутко (unheimlich). «Для здесь-бытия в “самости” конститутивное бытие-в-мире проявляется как чувство бездомности (Unzuhause). Бытие-в-мире, согласно Хайдеггеру, – это модус жуткого (Unheimlichkeit)» [15, S. 129]. Состояние экзистенциальной бездомности онтологически присуще человеку, который в своем мире изначально не имеет безопасного дома, и только в отрыве от повседневности, в бездомности страха может прийти к самому себе.

Хайдеггер описывает онтологическую бездомность здесь-бытия, в которой экзистенциальный страх / *Angst* выделяется из всех расположенностей тем, что он разобщает здесь-бытие. Поскольку смерть становится последней инстанцией бытийной возможности человека, то предметы этого мира, а также близкие люди теряют свое значение перед лицом экзистенциального страха и одиночества.

Таким образом, и психоанализ, и экзистенциализм приходят к выводу, что, несмотря на потребность в безопасности, для человека в этом мире не существует истинной родины, надежного дома, как в физическом, так и метафизическом смысле. В самом родном и знакомом пространстве может таиться темная угроза, что свидетельствует об экзистенциальной бездомности человека. Этот опыт настолько невыносим, что человек избегает его или благодаря впадению в обыденность (Хайдеггер), или используя психологические защиты: отрицание и вытеснение (Фрейд).

Образ дома часто отождествляют с образом человека. Каждый имеет право на свое личное пространство, куда не имеют доступа чужие, где нет опасностей внешнего мира. Самое страшное – это не внезапная встреча с чем-то жутким в открытом пространстве, а когда в собственном доме внезапно обнаруживается враг, чужой. Чужое, пугающее в доме аналогично присутствию чего-то неконтролируемого во мне самом (моему подсознанию). Границы мира человека рушатся, в его дом врывается хаос. Бездны, которые кроются за границами человеческого бытия – не где-то далеко, хаос присутствует в нас самих и может прорваться в любой момент. Мнимая стабильность в любой момент может рухнуть. Приходится принять этот факт и научиться жить с ним.

Список литературы

1. **Женевский В. А.** Страх в литературе немецкого романтизма [Электронный ресурс]. URL: http://darkfiction.ru/page/strah-v-literature-nemeckogo-romantizma (дата обращения: 21.09.2015).
2. **Костерина А. Б., Щуплецова Е. Ж.** Метафизика сокровенного в жилом пространстве // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13). С. 66-72.
3. **Мазин В. А.** Техника и призраки: о «жутком» у Фрейда [Электронный ресурс]. URL: http://special.theoryandpractice.ru/unheimlichkeit (дата обращения: 20.09.2015).
4. **Пикунова А.** Оптика жуткого. «Unheimlich – опыт» в новеллах Эдгара По [Электронный ресурс]. URL: http://iph.ras.ru/elib/Opyt_chuv_6.html (дата обращения: 20.09.2015).
5. **Сафрански Р.** Гофман. М.: Молодая гвардия, 2005. 383 с.
6. **Фрейд З.** Зловещее [Электронный ресурс]. URL: http://books.atheism.ru/files/freud_sinister.htm (дата обращения: 21.09.2015).
7. **Фрейд З.** Отрицание [Электронный ресурс]. URL: http://psychic.ru/articles/classic83.htm (дата обращения: 21.09.2015).
8. **Хайдеггер М.** Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 16-27.
9. **Чеснокова Л. В.** Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. 2. С. 206-210.
10. **Чеснокова Л. В.** Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // Философия и культура. 2014. № 5. С. 719-724. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.9732.
11. **Эпштейн М.** Жуткое и странное. О теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/mt_uncanny.html (дата обращения: 21.09.2015).
12. **Dorn T., Wagner R.** Die deutsche Seele. München: Knaus, 2011. 560 S.
13. **Kahlfeld S.** Solidarität aus dem Wissen um die Fremdheit des eigenen Unbewussten? Julia Kristevas Ansatz zu einer Psychologie der Fremdenfeindlichkeit // Utopie Heimat-Psychiatrische und kulturphilosophische Zugänge / hrsg. von M. Heinze, D. Quadflieg und M. Bührig. Berlin: Parodos Verlag, 2011. S. 149-162.
14. **Längle A.** Der Mensch auf der Suche nach Halt // Existenzanalyse. 1996. No. 13. Heft 2.
15. **Quadflieg D.** Begegnungen mit dem Unheimlichen – Heidegger trifft Freud // Utopie Heimat-Psychiatrische und kulturphilosophische Zugänge / hrsg. von M. Heinze, D. Quadflieg und M. Bührig. Berlin: Parodos Verlag, 2011. S. 125-136.

PHENOMENON OF UNCANNY: EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL REFLECTION BY FREUD AND HEIDEGGER

Chesnokova Lesya Vladimirovna
Omsk State Pedagogical University
L.Tchesnokova@mail.ru

The article deals with the phenomenon of uncanny in psychoanalysis (Freud) and existentialism (Heidegger). Home is of primary importance in culture as a space, which marks boundaries between one's own and someone else's worlds. The largest fear is caused by the blurring of these boundaries. This factor is connected with the phenomenon of uncanny in psychoanalysis as one's own initially but as a result of exclusion it becomes someone else's and dangerous. This topic was continued in existentialism, where a human is comprehended as a creature thrown out into the indifferent world and only in the homelessness of existential fear he/her comes to him(her)self.

Key words and phrases: uncanny / *das Unheimliche*; home / *Heim*; existential homelessness; existential fear / *Angst*; secret / *heimlich*; German culture; existentialism; psychoanalysis.

УДК 130.2
Философские науки

Статья содержит анализ личности и творчества Ф. Ницше на фоне культурных и социальных процессов XX века. Рассматривается связь ницшеанства и фашизма в контексте их общих романтических истоков. Демонстрируется, что и ницшеанство, и национал-социализм являются радикальными версиями немецкого романтизма. Прослеживаются общее влияние ницшеанства на философию XX века и его вклад в дело разрушения абсолютистских культурных и философских схем. Ницшеанский абсолютизм выступает как парадоксальная предпосылка релятивизма XX века.

Ключевые слова и фразы: ницшеанство; культура; романтизм; философия; этика; экзистенциальная философия; христианство; абсолютизм; аристократия; фашизм; национал-социализм; интеллигенция; модернизация; философский релятивизм.

Чухлеб Сергей Никитович, к. филос. н.
Российская академия музыки имени Гнесиных
chuhlebsn@mail.ru

НИЦШЕ И XX ВЕК

Эта статья является своеобразным продолжением ранее опубликованной работы «Ницше и XIX век» [23, с. 204-210]. К сожалению, ограниченный рамками небольшой статьи, я могу рассмотреть лишь некоторые аспекты такой сложной темы, как ницшеанство и его социокультурный контекст.

Начало XX века ознаменовалось оглушительным успехом ницшеанства. Эта философия, пожалуй, стала первой «массовой философией» Новейшего времени [3; 4; 10; 14; 22]. Естественно, речь идет не о широких массах. «Массовой философией» ницшеанство стало в среде интеллигенции. Обыватель, то есть человек, не приобщенный серьезно к «виртуальной» текстовой реальности, в своем бытии подобен животному – ест, пьет, размножается и работает, чтобы получить ко всему этому средства. Интеллигент же, приобщившись к высоким смыслам культуры, являет начатки самосознания и рефлексии. Задаваясь вопросами об окружающем мире и смысле бытия, он не может не пытаться осознать и самого себя.

XX век впервые стал производить интеллигенцию в массовом порядке – индустриальное городское общество, основанное на массовом машинном производстве, массовом потреблении и массовом развлечении, нуждается в огромной массе образованных людей [2, с. 191-202, 206-213; 7, с. 340-365; 8, с. 560-588; 11, с. 164]. Эти люди в большинстве своем не могут получить изысканного элитарного образования и воспитания. Да это и не нужно им – их интеллектуальные функции вполне обеспечиваются достаточно типичным образованием.

Таким образом, эти люди осваивают лишь простейшие элементы теоретической культуры. «Нация», «справедливость», «государственность», «Бог», «милосердие» – вот почти полный перечень простейших идей, из которого эти люди выхватывают что-то одно и делают стержнем своего мировоззрения. Одни помешаны на идее величия собственной нации, другие борются за социальную справедливость, третьи жаждут жесткого государственного порядка, четвертые спасают дикарей или зверушек и т.д. Нельзя сказать, что все эти виды «борьбы» бесполезны. В них есть своя польза и свое благо. Но от этого эти идеи не становятся сложными или изысканными.

Есть среди этих идей и идея «силы». Чаще всего она привязывается к личному нарциссизму мыслящего человека и формируется в особый комплекс собственного величия и превосходства. В XX веке, в эпоху расцвета индивидуализма, таких нарциссов среди интеллигенции становится особенно много. Культура